

ДВИЖУЩИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

С. М. Стам

Изучение истории средневекового города¹ сталкивает исследователя с целым рядом бросающихся в глаза контрастов и противоречий. Город возникает как ремесленно-торговый центр, и вместе с тем на протяжении всего средневековья горожане не порывают с сельскохозяйственными занятиями; более того, здесь складывается своеобразный слой городских землевладельцев. Феодальные сеньоры нередко сами основывали города, отменяли наиболее тяжелые повинности, обеспечивали городу внешнюю защиту, и вместе с тем города явились ареной наиболее ранних в истории зрелого феодализма больших народных восстаний — широкого коммунального движения. Завоевав независимость, город перенимал в свою пользу большую часть поборов прежнего городского сеньора, организация ремесла и торговли приобретала некоторые специфически феодальные черты, но, однако, именно в городе зародились передовые политические идеи, оппозиционные феодализму, именно город явился очагом крупнейших антифеодальных еретических движений европейского средневековья.

Как объяснить эти противоречия? Был ли город явлением антифеодальным или чисто феодальным, неотъемлемой составной частью феодальной системы эксплуатации? Внес ли он в развитие феодального общества нечто качественно новое или явился прямым и непосредственным продолжением старого? Какова природа противоречия между городом как центром самостоятельного товарного ремесла и феодальным аграрным строем?

2 На пути к решению этих вопросов неизбежно встает прежде всего вопрос о коммунальном движении. При всех особенностях, порожденных конкретными местными условиями, при различии форм и методов это была борьба горожан против сеньориального режима, то есть против системы феодальной эксплуатации, приспособленной к специфическим условиям городской экономики. Чем объяснить, что уже в XI—XII вв., в пору наибольшего упрочения феодально-поместного строя в ведущих странах средневековой Европы и наиболее тяжелых форм зависимости крестьянства, когда единственно полноправными были сословия духовенства и дворянства, горожане завоевывают и заставляют феодалов признать городскую конституцию, учреждения и особое городское право, защищавшее личность и имущество купца и ремесленника и даже свободу бежавшего в город крепостного? Чем объяснить, что широкое освободительное движение против феодальной эксплуатации началось именно в городе? Разве не деревня была главным очагом противоречий феодализма? И — что еще существеннее — почему город-

¹ Объектом рассмотрения в статье является главным образом ранний город, хронологически лежащий приблизительно между XI и XIII вв., и экономические основы первого этапа классовой борьбы в средневековом городе.

ское освободительное движение в той или иной форме побеждало в большинстве значительных, экономически развитых городов в XI, XII, начале XIII в., в то время, когда основная масса крестьянства еще безраздельно оставалась под сеньориальной властью?

4 Может быть, объяснения следует искать в большей сплоченности горожан? Это, несомненно, имело известное значение. Но, во-первых, эта сплоченность сама нуждается в объяснении: проблема городской общины, экономических и социальных истоков ее возникновения и упрочения пока, к сожалению, еще не нашла освещения в нашей исторической литературе. Во-вторых, и у крестьян феодальной эпохи имелась такая существенная основа для сплоченности, как сельская община.

Ответ на поставленные вопросы, очевидно, следует искать на пути выяснения исторической необходимости коммунального движения, исторической обусловленности его победы, а это значит, в первую очередь на пути анализа экономической основы средневекового городского развития.

Эту основу составляло простое товарное производство — ремесло. Оно было порождено развитием феодальной деревни. Возрастание производительных сил сельского хозяйства приводило к разделению труда промышленного и земледельческого, прежде нераздельно слитых в едином натуральном хозяйстве, к отделению от сельского хозяйства мелко-товарного ремесла. Многие черты этого нового хозяйственного уклада роднили его с хозяйством феодально зависимого крестьянина: масштабы производства — и тут и там производство мелкое; орудия труда — примитивные, индивидуальные; их развитие, отличавшееся медлительностью, консервативностью; низкая производительность труда; преобладание простого воспроизводства. Это, разумеется, не отрицает постепенного возрастания общего объема производства — речь идет о том, что в простом товарном хозяйстве не заложено экономической необходимости расширенного воспроизводства. «Законом докапиталистических способов производства, — писал В. И. Ленин, — является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников»².

Нельзя не видеть существенного сходства между хозяйствами ремесленника и феодального крестьянина и в том, что и то и другое преследовали потребительские цели. В многочисленных цеховых документах из Фландрии, Франции, Германии ремесло трактуется как источник «кормления». По определению К. Маркса, «в городском ремесле... непосредственной, главной целью этого производства является обеспечение существования ремесленного мастера, стало быть, потребительная стоимость; не обогащение, не меновая стоимость, как самоцель»³. Низкая производительность ремесла, с одной стороны, и крайняя ограниченность рынка в связи с господством натурального хозяйства в деревне — с другой, делали расширение производства в целях обогащения непосильным и даже опасным для самого существования мелкого производства. Правилom должна была быть его потребительская направленность, как и в деревне. Но тут и начинается расхождение: в деревне производство земледельческое, в городе — промышленное. Одни и те же потребительские цели достигаются различными путями: в деревне — ведением натурального хозяйства, в городе — товарного. Это различие, как бороздой, отделяет хозяйство ремесленника от хозяйства крестьянина.

Феодализм вырос на натуральном, то есть сельском, земледельче-

² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 44.

³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, стр. 50.

ском хозяйстве, только оно является его адекватной основой, его первейшим необходимым условием. «Феодализм основывался на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства»⁴, — писал В. И. Ленин. Важнейшая особенность натурального хозяйства состояла в том, что все или большая часть его необходимых элементов воспроизводились внутри данной хозяйственной единицы; соответственно и все отношения в нем строились как натуральный «обмен услуг». В поместье при отработочной и продуктовой ренте такой принцип господствовал безраздельно. Но и при денежной ренте основной элемент производственного процесса — рабочая сила — воспроизводился по-прежнему на натурально-хозяйственной основе, с помощью земельного надела, так или иначе выполнявшего функцию натуральной заработной платы⁵. При этом денежная рента, будучи еще формой феодальной эксплуатации, была вместе с тем и формой разложения феодального экономического отношения, которое «идет здесь навстречу своему разложению»⁶. Что касается другой формы приспособления феодального поместья к развитию товарного производства — барщинной системы эпохи «второго издания крепостничества», — то она также была предвестником распада феодально-поместного строя⁷. Иными словами, чем более усиливалась товарная направленность феодального поместья, тем более острым становилось ее противоречие с натурально-хозяйственными основами этого поместья.

Что касается городского ремесла, то, как бы слабо оно ни было развито, с самого начала его продукты производились не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары. Появление производства, товарного по самой своей природе, было рождением в недрах феодализма принципиально нового экономического элемента, стоявшего в противоречии с хозяйственной основой феодального строя, рождением нового экономического уклада.

Сопоставляя ремесло в городе и крестьянское хозяйство в поместье в плоскости экономических отношений, нельзя не обратить внимания на несомненное сходство: и тут и там производитель соединен с условиями производства. Известно, что это соединение составляет одну из важнейших особенностей феодального способа производства. Именно наличие этой особенности в экономической структуре ремесла обычно служит основанием для определения его как специфически феодального типа производства. Но можно ли сказать, что при феодализме и в деревне и в городе работник соединен с условиями производства одинаково? Феодально зависимый крестьянин действительно, как правило, хотя и не всегда, являлся собственником орудий труда, тягловой силы, своего жилища. Что же касается основного условия производства — земли, то она была собственностью помещика; крестьянин мог «владеть», пользоваться ею только на условии присвоения сеньором всей массы его (крестьянина) прибавочного труда.

Соединение рабочей силы производителя со средствами производства в городском ремесле обладало существенными отличиями, поскольку здесь не требовалось (или почти не требовалось) наличия земли (в городе земля уже не была основным условием производства). Это вырывало хозяйство ремесленника из экономической зависимости от феодального землевладельца, точнее, устранило возможность возникно-

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 146; см также т. 3, стр. 158.

⁵ К. Маркс. Капитал. М. 1949. Т. 1, стр. 83, 572; т. III, стр. 808; В. И. Ленин. Соч., Т. 1, стр. 172, 469, 470; т. 2, стр. 449; т. 3, стр. 157—158 (в отношении английского манора в пору преобладания денежной ренты это убедительно подтверждено работой его крупнейшего исследователя. См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.-Л. 1947).

⁶ См. К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 810—812; В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 143.

⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158.

вения такой зависимости. Именно в силу того, что его труд был сосредоточен в сфере промышленности, ремесленник должен был выпасть из сферы непосредственной феодальной эксплуатации. В условиях технически примитивного ремесла, как это подчеркивал К. Маркс, решающую роль в производстве должно было играть само мастерство и несложные орудия труда⁸. И эти основные условия производства находились в собственности самого ремесленника, как и сырье и самый продукт труда.

Таким образом, отношения собственности, отношения присвоения у городского ремесленника складывались существенно иначе, чем у феодального крестьянина. Собственник условий производства и непосредственный производитель совпадали здесь в одном лице. В рамках простого товарного производства отношения эксплуатации оказывались, в сущности, невозможными. Эти отличия содержали в себе, как в зародыше, то новое, что внес город в развитие феодального общества в целом и что явилось главным импульсом тех противоречий, которые определяли внутреннее развитие города и его отношения с внешней, феодально-поместной средой.

Но вместе с тем простое товарное производство в городском ремесле не находилось в антагонистическом противоречии с господствующими феодальными отношениями. Хотя и совсем по-иному, чем феодальное поместье, но оно тоже соединяло производителя со средствами производства. Отделение работника от условий производства, без чего невозможен капитализм и что составляет экономическую основу революционности промышленной буржуазии по отношению к феодализму, не диктовалось потребностями простого товарного производства; более того, оно означало бы ликвидацию самых основ этого экономического уклада. Поэтому мелкое товарное производство в ремесле, хотя оно не было явлением специфически феодальным и существовало в различных формациях, могло приспособиться к феодализму и уживалось с ним в течение столетий. Но простое товарное производство всегда стояло в противоречии к феодальной системе эксплуатации и ее натурально-хозяйственной основе и исторически подготовило почву для разложения этой системы.

Очевидно, что условием развития товарного ремесла является товарность сельского хозяйства. Но этого-то условия постоянно и неоставало в феодальном обществе. Исторически порождаемое натуральным хозяйством, товарное ремесло в господстве натурального хозяйства встречало главную помеху своему развитию. Возрастание производительных сил городского ремесла неизбежно вело к росту противоречия между ним и тем натурально-хозяйственным окружением, которым определялась крайняя узость рынка сбыта ремесленных изделий. Увеличение численности мастеров, появление сельского подсобного ремесла, конкурирующего с городским, приток деревенских ремесленников в город — все то, в чем выражалось дальнейшее углубление процесса отделения ремесла от земледелия, не могло не обострить этого противоречия. Городское ремесло пыталось разрешить это противоречие и обеспечить воспроизводство отношений простого товарного хозяйства с помощью его цеховой организации, политики цеховой монополии и уравнительности⁹.

Товарное производство могло приспособиться к натурально-хозяйственному окружению, лишь оставаясь простым и мелким, только в меру своей внутренней ограниченности и благодаря своей ограничитель-

⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 35; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 23, 50.

⁹ Что, разумеется, отнюдь не исключает других весьма важных социальных функций средневекового цеха как формы организации городских тружеников-товаровладельцев в условиях феодального общества.

ной политике. Но, оставаясь таковым, оно не было способно привести ко всеобщему господству и свободному функционированию законов товарного хозяйства. Подсобные сельскохозяйственные занятия ремесленников, да и вообще аграрные придатки городской экономики, державшиеся на протяжении всего средневековья, были необходимым следствием существования домашнего ремесла в хозяйстве феодально зависимых крестьян и служат несомненным доказательством того, что и при относительно высокой товарности крестьянского держательного хозяйства (или барщинного поместья позднего средневековья) феодальная деревня в основном оставалась царством натурального хозяйства¹⁰.

Если господство натурального хозяйства сдерживало развитие товарного производства, то развитие товарного производства, со своей стороны, подтачивало господство натурального хозяйства как одного из важнейших условий сохранения феодального строя. Выделение товарного ремесла из прежде единого натурального хозяйства и рост производительных сил в самой земледелии способствовали развитию товарных тенденций и в этой основной области феодального производства. На известное время это приводило к обогащению феодалов, к упрочению позиций командующего класса: усиленно эксплуатируя товарное производство, феодализм питался его соками. Вместе с тем связь с рынком, возможность накопления пробуждали в крестьянине, остававшемся лишь по видимости самостоятельным хозяином, стремление стать самостоятельным на деле, свободным товаропроизводителем. Развитие товарного производства в деревне неизбежно обостряло основное экономическое и классовое противоречие феодализма.

Переход к денежной ренте был, в сущности, феодальным способом разрешения противоречия между натурально-хозяйственной природой поместной системы эксплуатации и развивавшимся в ее недрах товарным производством и вплотную подводил дворянство к дилемме: либо разорение и гибель, либо буржуазное перерождение. В условиях денежной ренты зажиточное крестьянское хозяйство получало возможность сравнительно быстрого накопления, все больше выходя из-под контроля помещика и практически начинало распоряжаться надельной, господской землей почти как своею собственной. Помещичье же хозяйство, оставаясь, в сущности, натуральным и будучи связанным фиксированными рентами, по относительной доходности не могло угнаться за прогрессивным товарным производством крестьян, не могло уже присваивать всей массы прибавочного продукта держателей, отставало, хирело, разорялось. Там, где феодалы пытались приспособиться к господству товарного производства иначе, путем перехода к товарному барщинному хозяйству, итогом являлось полное истощение и разрушение самой хозяйственной основы феодализма — крестьянского хозяйства, что оказывалось лишь прологом кризиса и падения и феодального поместья и политического господства дворянства.

Таким образом, товарное производство, родившееся в недрах феодализма как следствие прогресса производительных сил натурального хозяйства и сконцентрировавшееся прежде всего в городском ремесле, развивалось в живом противоречии с господствующим феодальным строем. Их взаимное приспособление не отрицает этого противоречия, но, наоборот, служит ярким свидетельством его наличия¹¹.

¹⁰ Развитие товарного производства в деревне происходило существенно иначе, чем в городе. Там, где деревня втягивалась в товарные отношения, она обычно выбрасывала на рынок какой-то один товар, основная же масса продукта продолжала производиться в качестве средства потребления. См. В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 307.

¹¹ Из этого не следует, что возникновение товарного производства уже означало разложение феодализма. Понятие разложения, очевидно, предполагает 1) крайнюю затрудненность (чтобы не сказать невозможность) воспроизводства на феодальной экономической основе и 2) зарождение в недрах феодализма элементов капиталистиче-

Новые экономические отношения, на которых базировалось городское ремесло и которые противопоставляли его отношениям феодальной эксплуатации, порождали и новые социальные и политические потребности и искали воплощения в новых, отличных от феодальных нормах права. Там, где исчезало надление производителя средствами производства, где трудящийся был уже не держателем их, а собственником, там вырывалась почва как из-под личной зависимости работника, так и из-под феодальной формы собственности.

Полная частная собственность появилась в городах прежде всего в сфере движимого имущества. Каковы бы ни были прерогативы власти сеньора в городе, городские ремесленники не делили с ним собственности на свои орудия ремесла, а купцы — собственности на свои товары. Но сферу поземельных отношений новая форма собственности завоевывала медленно и отнюдь не прямолинейно. Здесь феодальные отношения собственности особенно упорно сопротивлялись натиску нового. Сеньоры настойчиво цеплялись за свои земельные владения в городе, вполне обоснованно видя в них единственную реальную опору феодальной эксплуатации городского накопления. Но по той же самой причине и горожане стремились стать собственниками городских земель. Прежде чем скупка богатыми горожанами феодальных земельных владений стала источником и проявлением аристократических тенденций формировавшегося патрициата, вытеснение горожанами феодалов из городского землевладения было необходимым моментом их освободительной борьбы против сеньориальной эксплуатации и власти. Все это делает особенно важным изучение эволюции поземельной собственности в средневековом городе, что пока еще, к сожалению, не привлекло к себе должного внимания медиевистов-марксистов¹².

Появление особого городского держания, отягченного только незначительной денежной рентой и при весьма широкой свободе распоряжения не влекшего за собой отношений феодальной зависимости, означало важный шаг в формировании свободной аренды и полной частной собственности. Такая собственность на землю, дома и сооружения затем все чаще встречается в городах, о чем говорят, например, документы немецких городов прирейнского района (Базель, Вормс), начиная с середины XIII века¹³. Очень часто к этому вела практика выкупа горожанами чиншей со своих держаний. Решающую роль, таким образом, играла сила денег — богатства, не связанного с землей.

Процесс формирования частной собственности, как правило, не получал завершения в средневековом городе. Зачастую горожане держали и продавали различные объекты недвижимости как лены. Но при этом силовь и рядом оказывалось, что верховный собственник данного земельного владения — сам богатый горожанин и, что еще существеннее, эти пережитки феодальных форм собственности нередко превращались в чисто внешнюю, юридическую форму, вывеску, за которой скрывалось либо фактически почти полное право частной собственности, либо, под видом феодального держания, аренда отнюдь не феодального содержания. Так, в Тулузе второй половины XII в. право возведения плотин на реке Гаронне, строительства плавучих мельниц и использования воды «держали» в качестве феодалов от графа и от

ского производства. Пока товарное производство оставалось мелким, простым, оно не создавало таких условий. Но развитие товарного производства способствовало максимальному раскрытию всех внутренних противоречий (а значит, и возможностей) феодализма. Условия разложения формации при этом только подготавливались.

¹² Можно отметить, пожалуй, только статью А. А. Кирилловой «Свободное земельное держание в городах Англии XIII века». «Ученые записки» МГПИИ им. В. И. Ленина. Т. 68, 1954.

¹³ См. W. Arnold. Zur Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten. Basel. 1861.

монастыря Дорад паевые товарищества со свободной продажей паев и, видимо, с частичным применением труда наемных работников.

Развитие отношений товарного производства приводило к резкому возрастанию подвижности земельной собственности и к более или менее значительному вытеснению сеньора-феодала и его вассалов из сферы городского землевладения. Здесь ярко обнаруживалась антифеодалная тенденция, содержащаяся в городской полной частной собственности. Она подрывала важнейшую опору феодального порядка — дворянскую монополию землевладения. Власть денег, этой квинт-эссенции отношений товарного хозяйства, оказывалась сильнее власти землевладельческого дворянства и нерушимых ограничений сословного общества, подкрепленных всеми аргументами схоластической теологии. Порожденные товарным производством, требовавшие отношений юридического равенства товаровладельцев, деньги в руках бюргерства сделались могучей сословно-нивелирующей силой. Именно это нарушение силою денег сословной иерархичности, присущей феодализму, имел в виду Ф. Энгельс, когда говорил, что «всюду, где личное отношение было вытеснено денежным отношением, а натуральная повинность — денежной, там место феодального отношения наступало буржуазное»¹⁴.

Право полной частной собственности прокладывало себе дорогу в средневековом городе в меру успехов развития в нем товарного производства, экономическая природа которого требовала для товаропроизводителя наиболее полной свободы распоряжения своею личностью, временем, средствами производства, готовым продуктом, имуществом вообще, что противоречило самим основам феодального строя.

В той же экономической природе городского товарного ремесла была заложена и необходимость и возможность осуществления личной свободы производителя, поскольку его труд не зависел от земельного собственника. В этом смысле городской воздух действительно делал человека свободным. Но путь реализации этой свободы, путь превращения ее необходимости и возможности в действительность лежал через борьбу горожан против сеньориального режима и в каждом отдельном случае зависел от конкретного соотношения классовых сил¹⁵. Борьба горожан, завоевание ими личной свободы и коммунальной независимости приводили социальные и политические отношения в городе в соответствие с новыми экономическими условиями.

В феодальной деревне все формы крестьянской несвободы опирались на реальное основание экономической, поземельной зависимости крестьян: они были только держателями, собственником земли считался сеньор. Иное дело — горожане, чья торгово-ремесленная деятельность не была связана с землей, чье богатство основывалось на обладании товарами и деньгами, а не землей. Из-под феодальной эксплуатации и сеньориальной власти здесь ускользала та самая земля, собственность на которую была единственной основой феодальной «высшей власти в военном деле и в суде»¹⁶.

Разумеется, сеньориальный режим рушился в городе не автоматически. Но именно в городе феодальная эксплуатация, лишенная реаль-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 408.

¹⁵ В Орлеане, например, серваж был отменен только в 1180 году. А жители коммуны Брэй в Пикардии еще в XIII в. считались мэнмортаблями короля (см P. Viollet. Les communes françaises au moyen âge. Mémoires de l'Institut national de France. T. 36. Paris. 1901, p. 350).

¹⁶ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 339. Поэтому Маркс и Энгельс отмечали, что, оторвавшись от поместья и сделавшись ремесленниками и купцами, горожане оторвались и от феодальной системы, что условия их жизни стояли в противоречии к существующим отношениям и обусловленному ими способу труда, в противоречии к имевшемуся налицо феодализму. См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 3, стр. 50, 53, 77.

ного экономического основания, превращалась в реликт уже изжитых отношений и потому выглядела как обнаженное и незаконное насилие, как грубый произвол и просто грабеж. Ее падение в ходе освободительной коммунальной борьбы в наиболее развитых городах было исторически необходимым, глубоко закономерным. Вместе с тем оно явилось высшим выражением принципиальной новизны тех экономических отношений, которые возникали в городе, свидетельством тех антифеодальных тенденций, которые несли в себе товарное производство, и глубины того противоречия, в которое оно вступало с экономическими основами феодально-эксплуататорского строя.

Но правильно ли противопоставлять городское право феодальному? Вольности независимой коммун на поверку оказываются старыми прерогативами феодального сеньора города. У сеньора перечисляла она и присвоила себе сбор налогов и пошлин, чеканку монеты, суд, набор и командование войском, политическую власть. Значит ли это, что перед нами та же сеньориальная власть, только присвоенная коллективом, — «коллективная сеньория»? Да, потому что преемственность формы здесь не подлежит сомнению; нет, потому что содержание существенно изменилось.

Система налогов и пошлин в руках сеньора служила орудием эксплуатации городского накопления, бичом ремесла и торговли. Большая часть этих сеньориальных поборов была отменена или выкуплена в долгом процессе освободительной борьбы; те, что остались, шли теперь не в карманы сеньора, его вассалов и министерялов, а городу¹⁷. Чеканка монеты, система мер и весов, рыночная администрация — эти средства надувательства и грабежа со стороны сеньора теперь служили интересам упрочения городской экономики, свободного и интенсивного развития ремесла и торговли. Суд из органа феодального господства, орудия легализации сеньориального произвола и инструмента для извлечения дополнительных средств из карманов горожан превратился в важнейшее орудие защиты городских вольностей, пресечения феодального вмешательства, обеспечения наиболее благоприятных условий торгово-ремесленной деятельности. При этом существенно изменялись и самые формы судопроизводства. Военная служба, прежде ненавистная повинность в пользу сеньора, теперь стала важнейшим воплощением городской свободы. Городское ополчение, являвшееся прежде лишь военным резервом сеньора, превратилось в войско самих горожан, стража коммунальной независимости и грозу феодалов округи, не желавших отказаться от грабежа и обирательства городских купцов¹⁸. Вместе с тем возникновение самостоятельного городского войска знаменовало собою подрыв веками державшейся монополии дворянства в военном деле.

Иными словами, в городе, сбросившем сеньориальное иго, власть изменяла свое классовое содержание. Победа коммунального движения означала подрыв сословной монополии феодального дворянства и в отношении политической власти. Таким образом, в результате победы освободительного движения горожан сеньориальный режим превращался в свою противоположность. В старой форме (претерпевшей существенные изменения) было новое содержание.

Но поскольку город развивался в рамках феодального общества,

¹⁷ Чего мог достичь город, полностью избавившись от сеньориального обирательства и завоевав себе свободу распоряжения городским накоплением, показала история наиболее развитых городов-республик Северной и Средней Италии.

¹⁸ Это засвидетельствовано историей передовых городов не только Северной Италии и Тосканы в XII веке. Так, тулузская коммуна, проведя в 1202—1204 гг. целый ряд энергичных военных экспедиций, добилась капитуляции и покорности феодалов Тулузена и устранения многочисленных препятствий торгово-промышленному развитию города.

где земля оставалась главным видом богатства, постольку вследствие влияния землевладельческих интересов и складывания правящего патрицианского слоя действительно могло иметь место частичное восстановление некоторых полуфеодальных черт и функций старого сеньориального режима (особенно в отношении деревенского населения городской округи, да в известной мере и в отношении массы горожан — некоторые новые налоги и пошлины, всевозможные монополии, своеобразное использование патрициями городских доходов и т. д.).

Учитывая значение таких явлений, не следует, однако, видеть в деятельности патрициата только консервативную сторону и ставить патрициат, этот полуфеодальный слой горожан, в один ряд с феодальными сеньорами; и под властью патрициата ремесленники оставались свободными собственниками, самостоятельными мелкими товаропроизводителями, каковыми в эту пору лишь мечтало стать большинство феодально зависимых крестьян. Что же касается таких новых явлений, остро затрагивавших положение мелких ремесленников, как, например, раздача работы на дом, то не требует доказательства, что они знаменовали собою уже зачаток иных, нефеодальных отношений эксплуатации. Нельзя упускать из виду историческую перспективу и забывать, что даже при патрицианском господстве личная свобода горожан, значительная свобода их торгово-ремесленной деятельности и городская независимость от феодала были важнейшими историческими завоеваниями той эпохи, необычайно ускорившими экономический и социальный прогресс средневековой Европы. Относительность средневековой городской свободы нисколько не отрицает ее реальности. Она достаточно ясно засвидетельствовала себя и в битве при Леньяно и в битве при Куртрэ.

Если не замечать качественной новизны средневекового города как центра товарного производства, не видеть того противоречия с господствующей системой феодально-поместной эксплуатации, в котором он развивался, то и освободительное движение средневековых горожан станет явлением случайным, незакономерным. Именно это и силится доказать наиболее реакционное направление современной буржуазной урбанистики¹⁹. Напротив, непредвзятый взгляд убеждает в глубокой закономерности освободительной борьбы средневековых городов. Необходимость победы коммунального движения была заложена в экономических потребностях нового хозяйственного уклада — товарного производства. Возможность освобождения от сеньориальной эксплуатации заключалась в экономической независимости торгово-промышленной деятельности горожан от феодального землевладения. Вопиющее противоречие экономической действительности товаропроизводящего города с режимом сеньориальной эксплуатации на определенном этапе было разрешено коммунальным движением путем ликвидации в городе сеньориального режима.]

Возникновение городского свободного ремесла было не только следствием возрастания производительных сил земледелия, не только формой разрешения внутренних противоречий натурального хозяйства, но вместе с тем и своеобразной, частичной формой разрешения противоречий аграрного строя феодального поместья, где труд непосредственного производителя был придатком крупного землевладения.

К. Маркс видел источник всего своеобразия феодализма как основой системы производства в соединении мелкого производства и круп-

¹⁹ См. Н. П. Оттокар. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь. 1919; J. Plesner. L'émigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIII-e siècle. Copenhague. 1934; J. Lestocquoy. Aux origines de la bourgeoisie: Les villes de Flandre et d'Italie sous le gouvernement des patriciens (XIe—XVe siècles). Paris. 1952.

ной земельной собственности²⁰. Пока существовал феодализм, оба эти полюса его хозяйственной основы не могли существовать один без другого, и вместе с тем природа их взаимной связи представляла собой глубокое противоречие. Оно определяло собою основное классовое деление феодального общества и было главной пружиной общественного прогресса в рамках феодализма. Это противоречие выражалось прежде всего в том, что эксплуатировать труд зависимого крестьянина помещик не мог, не наделяя его землей, не предоставляя ему известной самостоятельности в самом производственном процессе. Рост экономических сил при феодализме происходил прежде всего в крестьянском хозяйстве — именно оно было хозяйственной основой феодального поместья. Все это не могло не порождать в крестьянине стремления к действительной экономической самостоятельности, ибо, как отмечает К. Маркс, формой собственности, максимально соответствующей мелкому производству, является мелкая индивидуальная частная собственность²¹.

Но в условиях феодализма, когда не было «земли без сеньора», крестьянин мог стать свободным собственником, самостоятельным производителем, только порвав с помещиком, а значит, и с землей, то есть сделавшись ремесленником. Его бегство в город было попыткой разрешить коренное противоречие феодализма, вырваться из оков поместной эксплуатации. Результатом было рождение в рамках феодального общества свободной собственности производителя, товарного производства и города, как первейшего и важнейшего очага этих новых явлений.

Разумеется, крестьянство как класс подобным образом освободиться не могло. Через ремесло, путем бегства в города крестьяне освобождались поодиночке, и в этом частичном освобождении реализовались те объективные экономические тенденции, которые были заложены в мелком хозяйстве феодально зависимого крестьянина. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что в городе беглые крепостные «и в новом положении сохранили свой прежний способ труда и развили его дальше, освободив его от прежних оков, уже не соответствовавших достигнутой ими ступени развития»²². И вместе с тем мелкое производство претерпевало при этом коренную метаморфозу. Освобождение от поместных оков означало для бежавшего в город крестьянина переход к производству промышленному и потому с самого начала товарному. Оно делало его действительным собственником условий своего мелкого производства.

Горожане были теми свободными производителями-собственниками, какими стремились, но не могли в пределах феодализма стать зависимые крестьяне. В этом смысле возникновение городского свободного ремесла было также и одним из проявлений основного классового антагонизма феодального общества. И рождалось оно в кипении классовой борьбы: сервы убегали в возникавшие города, сеньоры пытались возвращать их силой, рождавшиеся городские коммуны предоставляли беглым свободу, пресекали вторжение феодальной власти в пределы городских стен²³.

Но все крестьяне не могли убежать в город. Постепенно развитие производительных сил в условиях основного экономического противоречия феодализма должно было и в самом поместье пробуждать те же

²⁰ См. К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 807.

²¹ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 764—765.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 78.

²³ Любопытно отметить, что, когда в начале XIII в. Филипп II стал щедро раздавать коммунальные хартии городам и даже частично — и в очень урезанном виде — некоторым деревням на востоке домена, из Шампани началось столь широкое бегство сервов на королевский домен, что со стороны шампанских феодалов посыпались жалобы и требования к королю не раздавать более коммунальных хартий и не принимать беглых людей.

тенденции, хотя здесь, под непосредственным гнетом крупного землевладения, они не могли реализоваться полно и последовательно. Возрастание продуктивности крестьянского хозяйства неизбежно вело к появлению излишков, к спорадическому, а затем и (под воздействием товаропроизводящего города) к более систематическому обращению этих излишков в товары, к пробуждению в крестьянском хозяйстве товарной тенденции. Основным препятствием реализации этой тенденции была феодальная эксплуатация. Чем более товарным становилось держательское хозяйство, тем больше требовалось крестьянину хозяйственной самостоятельности, свободы распоряжения своею личностью и имуществом, тем острее его интересы сталкивались с интересами феодального сеньора. Но поскольку именно эти условия обеспечивали повышение производительности крестьянского хозяйства, а эта последняя и была главной основой доходности поместья, постольку экономические интересы самого феодального эксплуататора толкали его на путь облегчения возможностей товарного развития крестьянского хозяйства, вынуждали в известной мере перестраивать методы феодальной эксплуатации²⁴. Так называемое освобождение сервов, замена натуральных повинностей денежными были, в сущности, попытками сеньоров феодальными методами и в свою пользу разрешить коренные противоречия феодального поместья в условиях развития товарно-денежных отношений.

Благодаря воздействию на поместье новых экономических условий и антифеодального сопротивления крестьян эти последние при благоприятных условиях приобретали не только личную свободу, но и некоторые права распоряжения средствами производства, даже право отчуждения своего держательского надела, при условии обеспечения сеньору непрерывности получения феодальной ренты. Порою крестьянин превращался как бы в фактического собственника своего держания, хотя полным, действительным собственником надельной земли, свободным от феодальной эксплуатации, при феодализме никогда не мог стать и в этом отношении всегда стоял ниже ремесленника. Здесь имела место только большая или меньшая степень приближения.

Так, товарное производство, возникнув прежде всего в городе, затем непременно начинало развиваться и в самой феодальной деревне. И в том и в другом случае это развитие было новой ступенью развертывания коренных внутренних противоречий феодальной системы производства и в обоих случаях, хотя и разными путями, в конечном итоге вело к разложению этой системы. Как отмечал К. Маркс, «развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»²⁵.

Каково же место города в рамках феодализма? Как следует подойти к вопросу о его феодальности или антифеодальности?

Собственно, в возникновении города нет ничего специфически феодального. Город как центр ремесла и торговли возникает задолго до феодализма, еще в условиях рабовладельческого строя, тоже как следствие процесса отделения промышленного труда от сельскохозяйственного. Благодаря большому совершенству феодальных экономических отношений по сравнению с рабовладельческими процесс отделения промышленности от земледелия, города от деревни протекал здесь значи-

²⁴ В 1347 г. безансонский архиепископ в грамоте об освобождении сервов отмечал, что «мэномортабли работают нерадиво, говоря, что они работают на другого, и потому только портят поле», и выражал уверенность, что, получив личную свободу и право наследования, «они будут работать и наживать от всей души... земли, в настоящее время пустующие и необработанные, будут возделаны и застроены, благодаря чему доходы сеньора возрастут и приумножатся» (C. J. Perreiot. De l'état civil des personnes et de la condition des terres dans les Gaules. Paris. 1845—1846. Т. III. Preuves, № 126).

²⁵ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 493.

тельно интенсивнее и полнее, хотя и при феодализме не получил полного завершения. Вместе с тем каждый новый этап в длительном процессе отделения города от деревни формировался в специфических для данного эксплуататорского строя экономических условиях и отношениях классов. Поэтому в рабовладельческом обществе город неизбежно приобретал некоторые рабовладельческие черты, а в феодальном — феодальные, что и позволяет говорить о городе рабовладельческой эпохи и городе феодальной эпохи как исторически конкретных явлениях.

История показала, что феодализм может существовать и без города. И все черты, свойственные его экономической и социальной природе, будут при этом налицо. Разве не феодальным было, например, французское общество от середины IX до середины XI в., когда этот строй уже утвердился, но ремесло еще не отделилось от земледелия? Определение «феодальный» в строгом смысле нельзя отрывать от того реального эксплуататорского содержания, которому оно соответствует. Самостоятельное простое товарное производство в промышленности (ремесло), составлявшее основу экономики средневекового города, не регулировалось законом феодальной земельной ренты, лежавшим в основе экономики феодализма. Оно требовало наиболее полного соединения работника со средствами производства, то есть превращения его в собственника, что противоречило экономическим основам феодализма. Ф. Энгельс имел все основания причислять бюргерство к революционным элементам, образовавшимся под покровом феодализма, а интересы горожан, ярко выразившиеся в городском праве и городском войске — вооруженно бюргерстве, — назвать антифеодальными²⁶.

И все же город не был абсолютно противоположен феодальному строю: во-первых, городское свободное товарное производство охватывало только промышленность, то есть при феодализме неглавную, подчиненную сферу труда; и, во-вторых, что особенно существенно, простое товарное производство не требовало экспроприации непосредственного производителя. Являясь неразвитой формой товарного производства, ремесло не могло реализовать всех возможностей, заложенных в этом типе производства. Свобода распоряжения средствами производства ограничивалась здесь как вне, так и внутри данного союза ремесленников. Товарное производство порождало конкуренцию как необходимую форму отношений товаровладельцев, но именно конкуренцию стремилось пресечь или решительно ограничить средневековое ремесло. С целью самосохранения в условиях господства феодальных, натурально-хозяйственных отношений оно оплетало себя сетью уравнивательной регламентации, применяло феодальные по форме средства организации и защиты²⁷.

Это относится не только к цеховому ремеслу, но и к торговле. Всевозможные монополии и особые хозяйственные «права», типичные для средневекового города — рыночное право, гостинное право, складочное право, право принудительной дороги, — также были необходимыми формами приспособления мелкого товарного производства и обмена к условиям феодального произвола и анархии, к узости рынка.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 409, 411.

²⁷ Разумеется, внешние ограничения были только отражением внутренней связанности мелкого товарного производства. Но, так или иначе, в этой связанности источник характернейшего для средневекового города явления: лишь небольшая часть накоплений, образовывавшихся в ремесле, вкладывалась в производство, — «избыточные» средства постоянно из сферы производства перемещались в торговлю, ростовничество, землевладение. Это должно было в немалой степени сдерживать развитие ремесла на протяжении долгих столетий средневековья. Очевидно также, что в этом был один из источников возникновения и могущества своеобразного социального слоя, присущего только средневековому городу, — патрициата; здесь коренилась причина постоянной, если можно так выразиться, «патрицианизации» верхушки богатых горожан, значительности роли землевладельческо-ростовщических элементов в городе.

Но чем более развивалось товарное производство, тем более эти средства его защиты и поддержки превращались в оковы, связывавшие дальнейший прогресс. Цеховая монополия и регламентация препятствовали расширению производства и техническим нововведениям. Каждый город цеплялся за свои особые права и привилегии, не желая их распространения на другие города, и то, что, казалось бы, должно было соединять, оборачивалось крайним партикуляризмом. Вот почему одной из предпосылок вытеснения феодализма капитализмом Маркс считал «увядание» средневековых вольных городов.

Итак, противоречивость, удивительная двойственность средневекового города, причудливо сочетавшего феодальные и антифеодальные тенденции, коренилась в его производственной основе. Противоречия, присущие экономической структуре мелкотоварного ремесла, породили столь же противоречивые позиции средневекового города по отношению к феодальному строю в целом: будучи оппозиционным феодализму, город (и городское освободительное движение) не посягал на феодальный порядок как таковой, а ограничивался завоеванием условий, необходимых для своего функционирования в рамках существующей системы.

Именно средневековые горожане подняли широкую освободительную борьбу против феодальной эксплуатации (коммунальное движение, революционный характер которого отмечал К. Маркс), они же явились социальной почвой, породившей и крупнейшие еретические движения средневековья, и оппозиционную схоластику, и противопоставленные теологическому мировоззрению начатки опытного метода и естественно-научных знаний, и передовые политические теории, и оппозиционную городскую культуру. Прогрессивное значение города в средневековом обществе невозможно переоценить. Вместе с тем те же горожане в целом уживались с феодализмом, находили способы приспособиться к нему и занять определенное положение в феодальном обществе; их идеология и культура, как правило, облекались в старую, религиозную форму, а их интересы в борьбе с феодальными сеньорами не выходили за пределы городских стен или «городской мили». На протяжении столетий средневековое бюргерство многократно демонстрировало свое равнодушие к судьбам крестьянства, свое нежелание пойти на союз с народом.

Только мануфактура вывела товарное производство из стадии куколки. И тогда противоречие между товарным производством и феодализмом перешло в качественно новую стадию — из относительного, неполного, неантагонистического оно превратилось в абсолютное, непримиримое, антагонистическое: капиталистическое производство потребовало отделения производителя от средств производства. Антифеодальную оппозиционность бюргерства сменила антифеодальная революционность буржуазии.

Очевидно, в равной мере ненаучны попытки представить средневековый город как в качестве явления, абсолютно противоположного феодализму, так и в качестве явления вполне феодального, не стоящего в противоречии с феодальным эксплуататорским строем и, следовательно, гармонически ему соответствующего. Простое товарное производство не было явлением специфически феодальным, а город не являлся сферой собственно феодальных производственных отношений. Диалектический процесс развертывания внутренних противоречий феодального строя — процесс сложный и отнюдь не прямолинейный. Феодальный город был одним из наиболее сложных узлов переплетения этих противоречий.